

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67)

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.2>

EDN FTEMOQ

**Исламский фактор в семейно-брачном поведении
дагестанской молодежи****Мадина М. Шахбанова¹**¹Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. Постсоветский период Российского государства отметился религиозным возрождением, которое в настоящее время существенно укрепило свои позиции. Основанием для такого утверждения являются наблюдающиеся мощные религиозные процессы, особенно ярко проявляющиеся в регионах, население которых исповедует исламское учение.

Теоретическое обоснование. Современное дагестанское общество демонстрирует ориентированность на обозначение авторитета исламского учения и духовных лидеров, проповедующих внедрение в повседневную жизнь мусульманина положений о поведении и взаимоотношениях с окружающими, зафиксированных в Коране и Сунне. Свидетельством является увеличение количества религиозных зданий (мечетей), изменение облика мужчин и женщин, ношение ими мусульманской формы одежды, распространение полигамии.

Методы. Методологическую основу исследования составляет шкала социальной дистанции Богардуса, позволяющая выявить установки на межличностное взаимодействие в разных социальных сферах. Эмпирическое исследование проведено в 2023 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является дагестанская молодежь. Предметом исследования выступают религиозные установки дагестанской молодежи в семейно-брачной сфере. Место проведения опроса: г.г. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, а также Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 249 чел. (48,8%), женщины – 261 чел. (51,2%); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3%), 18–25 лет – 173 чел. (34,0%), 26–35 лет – 193 чел. (41,7%); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4%), среднее – 107 (21,0%), среднее специальное – 173 чел. (34,1%), высшее – 156 чел. (30,5%); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8%), верующий – 273 (53,5%), колеблющийся – 25 чел. (4,9%), неверующий – 11 чел. (2,2%), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6%), $N = 510$.

Результаты и их обсуждение. Анализ семейно-брачного поведения дагестанской молодежи показывает существование в их массовом сознании негативного восприятия иноверца в статусе брачного партнера. Гендерный анализ показывает консервативность в позициях женской части в сравнении с мужской. Авторская гипотеза о влиянии уровня образования на формирование толерантного отношения к межрелигиозному брачному союзу эмпирическим материалом не подтверждается: подавляющая часть опрошенного молодого поколения дагестанцев не готова принять человека иного вероисповедания в статусе брачного партнера. Верификация эмпирики свидетельствует о доминировании позиции о недопустимости официального разрешения на многоженство.

Основные положения:

- для мусульманского населения всегда был приоритетным заключенный по исламским канонам брачный союз;
- дагестанская молодежь демонстрирует социальную дистанцированность в семейно-брачной сфере;
- дагестанская молодежь демонстрирует ориентацию на поддержание межличностного взаимодействия во всех социальных сферах, за исключением семейно-брачной.

Ключевые слова: семья; брачное поведение; верующий; дагестанская молодежь; исламские семейные положения; семейные ценности; семейно-брачная сфера; семейные установки.

Для цитирования: Шахбанова М.М. (2024). Исламский фактор в семейно-брачном поведении дагестанской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 24–34. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.2>.

The Islamic factor in the marital behavior of Dagestan youth

Madina M. Shakhbanova¹

¹Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract

Introduction. The post-Soviet period of the Russian state was marked by a religious revival, which has now significantly strengthened its position. The basis for such an assertion is the powerful religious processes that are being observed, they are especially pronounced in regions where the population professes Islamic teachings.

Theoretical justification. Modern Dagestani society demonstrates a focus on the designation of the authority of Islamic teachings and spiritual leaders who preach the introduction into the daily life of a Muslim of the principles of behavior and relationships with others fixed in the Koran and the Sunnah. The evidence is an increase in the number of religious buildings (mosques), a change in the appearance of men and women, their wearing of Muslim uniforms, and the spread of polygamy.

Methods. The methodological basis of the study is the Bogardus scale of social distance, which allows us to identify attitudes towards interpersonal interaction in different social spheres. An empirical study was conducted in 2023 by random selection. The object of the study is Dagestan youth. The subject of the study is the religious attitudes of Dagestan youth in the family and marriage sphere. The place of the survey: Makhachkala, Derbent, Kizilyurt, Khasavyurt, Botlikhsky, Derbent, Kazbekovsky, Kizlyar districts. Distribution by socio-demographic parameters: a) gender: 249 men (48,8%), 261 women (51,2%); b) age: 15–17 years – 144 people (28,3%), 18–25 years – 173 people (34,0%), 26–35 years – 193 people (41,7%); c) education: incomplete average – 74 people (14,4%), average – 107 (21,0%), specialized secondary – 173 people (34,1%), higher – 156 people (30,5%); e) attitude to religion: a convinced believer – 198 people (38,8%), a believer – 273 (53,5%), hesitant – 25 people (4,9%), unbeliever – 11 people (2,2%), convinced unbeliever – 3 people (0,6%), $N = 510$.

The results and their discussion. An analysis of the marital behavior of Dagestani youth shows the existence in their mass consciousness of a negative perception of a gentile in the status of a marriage partner. Gender analysis shows conservatism in the positions of the female part, in comparison with the male. The author's hypothesis about the influence of the level of education on the formation of a tolerant attitude towards an interreligious marriage union is not confirmed by empirical material: the vast majority of the surveyed young generation of Dagestanis are not ready to accept a person of a different religion in the status of a marriage partner. Verification of the empiricist testifies to the dominance of the position on the inadmissibility of official permission for polygamy.

The main provisions:

- the marriage union concluded according to Islamic canons has always been a priority for the Muslim population;
- Dagestani youth demonstrates social distancing in the family and marriage sphere;
- Dagestani youth demonstrates an orientation towards maintaining interpersonal interaction in all social spheres, with the exception of family and marriage;

Keywords: family; marital behavior; believer; Dagestani youth; Islamic family conditions; family values; family and marriage sphere; family attitudes.

For citation: Shakhbanova M.M. (2024). The Islamic factor in the marital behavior of Dagestan youth. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), p. 24–34. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.2>.

Введение

Религиозное возрождение в целом, восстановление ранее разрушенных и строительство новых культовых зданий, появление различных религиозных сект, радикальных течений, религиозного экстремизма актуализировали вопрос изучения траектории конфессиональных процессов в современном российском обществе. Разумеется, наиболее интенсивно религиозные процессы протекают в регионах, исповедующих мусульманство, более того, мы являемся свидетелями вовлеченности молодого поколения в них. Даже поверхностный анализ показывает заметные изменения в социальном облике и поведении: например, наблюдается стремление молодежи следовать требованиям внешней атрибутики. Если несколько лет тому назад только-только начали приобщаться к исламской одежде, то в настоящее время процессы заметно

усилились: уже со школьной скамьи девочки носят хиджаб, хотя данная форма одежды не является присущей дагестанским женщинам. Тревогу вызывает латентное, а порой и демонстративное «разоблачение» руководителей учебных заведений, которые якобы против ношения хиджаба, запись диалога с ними и т.д. К сожалению, несмотря на светскость Российского государства, противодействия со стороны власти откровенному навязыванию исламских ценностей не наблюдается. Поэтому в рамках изучения религиозности дагестанской молодежи логичным является исследование выраженности в их общественном сознании принципов социальной дистанцированности, предполагающей установление «открытых» и «закрытых» сфер межличностного взаимодействия. Как правило, консервативной является семейно-брачная сфера, ее закрытость обусловлена объективными причинами, среди которых ключевым является сохранение целостности и самобытности этнической общности. Дети, рожденные в межнациональном браке, чаще всего оказываются оторванными от этнической культуры обоих родителей, что позволяет исследователям говорить об их маргинализации. Вместе с тем межэтническая брачность может сыграть важную роль в формировании межэтнической толерантности. Современное информационное общество, подверженное мощным глобализационным процессам, на первый взгляд, утрачивает национальную специфику: концепция плавильного котла, как известно, потерпела полный крах. Западное общество показывает, что мигранты, носители отличающейся от западной культуры, религиозных верований, моделей поведения, специфики взаимоотношений и т.д., изначально не были ориентированы на адаптацию, несмотря на проводимую в отношении них принимающим государством социальную политику. Мигранты стремились к самоизоляции, сохранению своего быта, традиций, более того, старались не терять связь с исторической территорией. Если обратиться к России, то гражданское общество выражает недовольство методами осуществления миграционной политики. Особенно сильно ситуация осложнилась на фоне проведения СВО, когда многие ранее замалчивавшиеся проблемы всплыли на поверхность и показали, что в миграционной политике допускаются грубые ошибки.

Таким образом, существование бытовой религиозности и возрождение ислама оказали огромное влияние на семейно-брачную сферу в том аспекте, что в Дагестане распространение получила полигамия, которая ранее не имела широкого распространения.

Теоретические основы исследования

Проблема полигамии широко начала обсуждаться на фоне исламского возрождения и распространения в мусульманских регионах данной модели брачного поведения. Среди фамилистов, изучающих полигамию, положение детей в полигамной семье, социальное самочувствие женщины, причины появления полигамии в настоящее время, отношение разных социально-демографических слоев к такой модели семейного поведения, можно выделить исследования З.М. Абдулагатова (Абдулагатов, 2012), С.С. Агашириновой (Агаширинова, 2008), Б.М. Алимовой (Алимова, 2008), О.П. Бибиковой (Бибикова, 2019), А.В. Верещагиной (Верещагина, 2012; Верещагина, 2014; Верещагина, 2022; Молодая семья..., 2016), М.Р. Габараевой (Габараева, 2020), С.Ш. Гаджиевой (Гаджиева, 1985), Э.М. Загировой (Загирова, 2022а; Загирова, 2022б; Загирова, 2022в; Загирова, 2022г), Г.М. Курбанова (Курбанов, 2007), С.Ш. Гаджиевой (Гаджиева, 1985), А. Терентьева (Терентьев, 2021), С.Т. Хапчаева (Хапчаев, 2019). Среди западных исследователей этой тематики А. Абу-Бакер (Abu-Baker, 1992), А. Аль-Кренави, Дж.Р. Грэм-мл. (Al-Krenawi, 1999; Al-Krenawi, 2006), М. Александр (Alexandre, 2007), М. Аль-Шарфи, К. Пфеффер, К. Миллер (Al-Sharfi, 2016), И. Кунчак (Kończak, 2018), Фор-

тунато, Арчетти (Fortunato, 2010), Д.В. Лоусон с соавт. (Polygynous Marriage..., 2015), Д. Хассуне-Филлипс (Hassouneh-Phillips, 2001) и др. Следует отметить, что в западной антропологии проблема полигамии, ее различные аспекты хорошо освещены. Выше перечислено лишь небольшое количество публикаций.

Разумеется, в современном обществе существуют разные оценки полигамии, но в полной мере можно согласиться с мнением А.В. Верещагиной, рассматривающей многоженство как «результат архаизации семейно-брачной сферы, под которой мы понимаем процесс возрождения в современной реальности семейно-брачных отношений и практик в прежних (архаичных) формах, сложившихся в прошлом в границах этнической культуры того или иного народа» (Верещагина, 2019, 513). Аналогичного мнения придерживается Э.М. Загирова: многоженство «можно охарактеризовать как деструктивное явление в семейно-брачной сфере современной дагестанской семьи» (Загирова, 2022в, 37).

Таким образом, можно утверждать, что институт многоженства был предметом исследования, но внимание к нему возросло на фоне исламского возрождения и увеличения числа женщин, находящихся в статусе «второй жены», а также позитивного восприятия полигамии в общественном сознании мужского населения с аргументацией к положениям мусульманства, допускающего иметь мужчине четырех жен.

Методология и методы исследования

Изучение брачного поведения дагестанской молодежи осуществлено с применением шкалы Богардуса, позволяющей установить предпочтительность сфер взаимодействия и степень социальной дистанцированности молодого поколения дагестанцев. Эмпирическое исследование проведено в 2023 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является дагестанская молодежь. Предметом исследования выступают религиозные установки дагестанской молодежи в семейно-брачной сфере. Место проведения опроса: г.г. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, а также Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 249 чел. (48,8%), женщины – 261 чел. (51,2%); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3%), 18–25 лет – 173 чел. (34,0%), 26–35 лет – 193 чел. (41,7%); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4%), среднее – 107 (21,0%), среднее специальное – 173 чел. (34,1%), высшее – 156 чел. (30,5%); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8%), верующий – 273 (53,5%), колеблющийся – 25 чел. (4,9%), неверующий – 11 чел. (2,2%), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6%), $N = 510$.

Результаты исследования

По нашему мнению, появление многоженства в Дагестане отрицательно сказалось на семейно-брачной сфере: не каждая женщина готова смириться и принять решение супруга иметь «вторую жену» и детей в параллельной семье. Часто причиной развода является именно полигамность мужчины, кроме того, к сожалению, отцы не принимают во внимание психологическое состояние не только супруги (здесь чаще всего превалирует полное безразличие), но и детей, которые могут эмоционально воспринимать наличие у отца другой «жены» и детей. В основе многоженства и его оправдания лежит тезис о его допустимости в исламском вероучении. Независимо от отношения к религии (верующий/неверующий), мусульмане (здесь имеется в виду культурная идентичность или культурная религиозность) многие обряды осуществляют в рамках исламских предписаний. И в настоящее время одним из проявлений, например, в брачной сфере дагестанцев является многоженство, и оно распространено не только в состоятельной прослойке дагестанских мужчин, но и среди не очень обеспеченных в материальном плане. Иными словами, возрождение определенной

модели поведения, основанной на мусульманском учении, требует выявления отношения респондентов к многоженству (рис. 1).

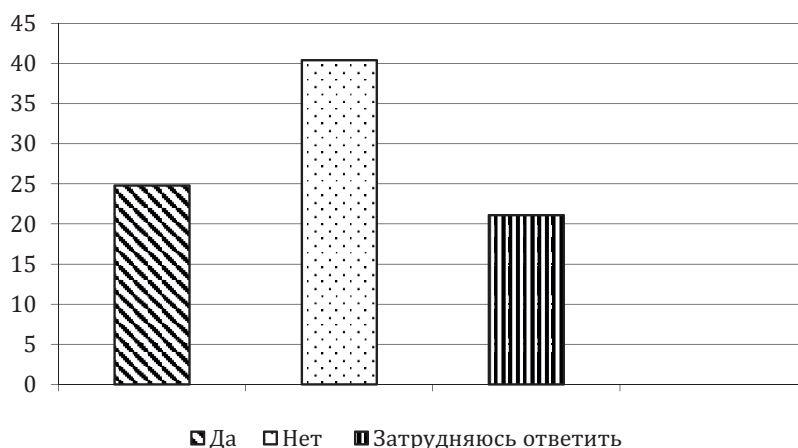

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос
«Как вы считаете, нужно ли официально разрешить многоженство в Дагестане?» (%)

По всему массиву превалирует недопустимость официального разрешения полигамии в республике (каждый второй). Анализ по гендерной принадлежности показывает почти двукратное превалирование выступающих против в женской подгруппе (больше половины опрошенных) в противоположность мужской (одна треть). Доля таковых с возрастом уменьшается с 45,3% в разрезе 18–25 лет до 28,1% в интервале 26–35 лет; на позиции респондентов заметно не отражается образовательный статус: в подгруппе респондентов с высоким уровнем образования доля противников чуть больше и варьируется почти в равных долях. Обращает на себя внимание, что против придания официального статуса полигамии выступают подгруппы убежденно верующих (32,7%), верующих (41,4%), в подмассивах колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих больше половины опрошенных – 63, 75 и 66,7% соответственно. Если позиция последних трех подмассивов поддается объяснению, то наличие в массовом сознании идентифицирующих себя как верующие и убежденно верующие такой точки зрения вызывает вопрос о соответствии обозначения опрошенными отношения к вере и отрицания одного из допустимых в исламе правил поведения. Доля утвердительно ответивших в 1,5 раза меньше – одна четвертая часть по всему массиву. Здесь выделяются мужчины, которых в три раза больше (34,2%) по сравнению с женщинами (10,8%). Обращает на себя внимание, что с возрастом увеличивается показатель выступающих за официальное разрешение многоженства: с 24,1% в когорте 15–17 лет до 43,9% в разрезе 26–35 лет; такая же картина и по образованию: наше предположение о влиянии образовательного уровня на обозначение своей позиции результатами исследования не подтверждается, наоборот, среди имеющих высшее образование 30,4% выступают за официальный статус полигамии в Дагестане, и меньше таковых в подмассиве со средним специальным образованием (19%). В разрезе отношения к религии одна треть убежденно верующих и 22,4% верующих позитивно оценивают разрешение полигамии, в подмассивах колеблющихся и неверующих доля существенно меньше (14,8 и 16,7% соответственно), т.е. здесь также прослеживается противоречивость в установках: независимо от отношения к религии в общественном сознании наблюдается как допустимость, так и недопустимость придания многоженству официально закрепленного статуса. Для последователей ислама, среди которых приоритетным является подтверждение брака по канонам мусульманства, статус многоженства, вернее, его официальное разрешение не будет иметь какого-либо значения. Состоящие в таком брачном союзе женщины ориентируются исключительно

на мусульманское учение, соответственно, считают себя полноправным членом семьи, впрочем, как и детей, рожденных в этом браке. Одна пятая часть респондентов по всей выборке затруднилась обозначить свою позицию в отношении статуса полигамии; сопоставление подмассивов показывает сравнительно большой процентный показатель в возрастных интервалах до 25 лет включительно, имеющих базовое среднее, среднее и среднее специальное образование, а также самоидентифицирующихся как убежденно верующие и верующие. Такая точка зрения показывает, что в дагестанском обществе превалирует отрицательное отношение к многоженству, естественно существование такой позиции в общественном сознании большого пласта дагестанских женщин и их неготовность принять решение супруга иметь «вторую жену» и детей, рожденных ею. Если можно «объяснить» поведение мужчины, который в первой семье не имеет детей, но по тем или иным причинам не хочет разводиться, а его решение иметь «вторую жену» обусловлено желанием продолжения рода, то недоумение вызывает поведение мужчины, который в первой семье имеет ребенка, и не одного. Может быть, здесь имеет место дань моде или же элементарное подражание брачному поведению многоженца. Косвенным подтверждением данного вывода являются результаты исследования З.М. Абдулагатова: «Одобрительное отношение к многоженству среди мужчин выражено почти в 5 раз больше, чем среди женщин (23,3% против 5,0%). Современные мусульманские лидеры Дагестана пытаются укрепить в исламском массовом сознании сакральный, следовательно, нравственный характер мусульманской полигамии. Тем не менее, результаты опроса в РД показали, что дагестанцы в целом отрицательно относятся к многоженству. Придерживающихся такой позиции в отношении многоженства среди женщин оказалось почти в два раза больше, чем среди мужчин (68,6% против 37,1%)» (Абдулагатов, 2012, 18).

Рассмотрение значения исламского учения в бытовом поведении мусульманина не будет полным, если не показать отношение молодого поколения дагестанцев к брачному союзу с иноверцем (рис. 2).

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Вы допускаете возможность заключения брака с последователем иного вероисповедания?» (%)

Прежде чем изложить данные опроса, необходимо отметить, что «мусульманке запрещено (х1арам) выходить замуж за иноверцев. Мусульманину запрещено жениться на язычницах или неверующих, но разрешен брак с христианками и иудейками. Мужчина имеет право на многоженство. Мусульманка по шариату не имеет права выйти из дома без разрешения мужа. Наследственное право мусульман определяет преимущественные права мужчин перед женщинами» (Керимов, 2007, 204). Эти и другие позиции исламских сакральных текстов достаточно четко определяют рамки гендерных различий социального поведения. Тем не менее реальные процессы развития исламского сознания,

как показывают опросы, приводят к «различным, порой нарушающим общепринятые исламские нормы, проявлениям маскулинности и феминности» (Абдулагатов, 2012, 16). Эмпирика показывает, что одна треть опрошенных по всему массиву против заключения брачного союза с иноверцем; по гендерной принадлежности женщин существенно больше (48,8%) в сравнении с мужчинами (32,6%), что объясняется более толерантным отношением общества к межрелигиозному браку мужчины, нежели женщины: если в отношении первого имеет место равнодушие, то решение женщины вступить в брак с последователем иного вероучения всегда будет сопровождаться осуждением, причем осуждать будут не только саму женщину, но и ее родителей, которые «не сумели правильно воспитать дочь». С повышением возраста и уровня образования опрошенной дагестанской молодежи наблюдается рост числа выступающих против брачного союза с неединоверцем с 33,5% в когорте 15–17 лет до 64,9% в интервале 26–35 лет, с 38,3% имеющих базовое среднее образование до 64,3% среди респондентов с высшим образованием. В разрезе отношения к религии недопустимость заключения брака с иноверцем(-кой) подчеркивается одной третью как верующих, так и убежденно неверующих, половиной убежденно верующих; колеблющихся и неверующих – менее 10%. По национальной принадлежности 44,7% опрошенной аварской, 45,9% даргинской и 40% чеченской молодежи против межрелигиозного брачного союза, меньше всего отрицательно настроенных в подмассиве молодого поколения лакцев (16,7%). Далее: каждый третий респондент принимает межрелигиозный брак, мужчин среди них больше (31,9%), женщины более консервативны (24,6%). Кроме того, на негативной характеристике брака с иноверцем(-кой), как показывает эмпирика, отражается возраст и образование: если в разрезе 15–17 лет возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности допускает 32% респондентов, то в интервале 26–35 лет их доля существенно меньше (14%), впрочем, как и по образовательному признаку: среди респондентов с низким уровнем образования показатель выше (34,8% имеющих среднее образование) по сравнению с респондентами, имеющими высшее образование (14,3%). Среди убежденно верующих 17,9% опрошенных позитивно оценивают смешанный религиозный брак, при довольно высоких показателях в подгруппах верующих (одна треть), колеблющихся (6,7%) и неверующих (83,3%). В разрезе этнического признака по сравнению с другими больше допускающих брак с иноверцем (-кой) в кумыкской (36,4%), чеченской (35%) и лакской (41,7%) подгруппах, даргинцев, лезгин и аварцев меньше – 29,5, 25,6 и 24,1% соответственно. Доля затруднившихся выразить личную точку зрения на брачный союз с представителем иного вероучения составляет одну четвертую часть по всему массиву, среди них мужчин больше (27,7%), чем женщин (20,2%), 26,6% в возрасте 15–17 лет, 25,9% в возрасте 18–25 лет, 29,9% со средним образованием, 27,6% в подгруппе верующих, а также треть опрошенной лезгинской и лакской молодежи.

Общепринятой шкалой измерения социальной дистанции является шкала Богардуса, которая позволяет наглядно продемонстрировать существующие в массовом сознании установки на личные контакты в самых разнообразных сферах человеческой жизни (табл. 1).

Полученный материал показывает, что для опрошенной дагестанской молодежи наиболее значимой сферой взаимодействия является семейно-брачная, поэтому больше половины опрошенных не воспринимает межрелигиозный брак в целом, т.е. респонденты подчеркивают важность вероисповедания будущего брачного партнера как лично для себя, так и при создании семьи детьми. Однако процентный показатель чуть выше в отношении детей при сопоставлении на личностном уровне. Анализ по социально-демографическим параметрам респондентов показывает наличие внутригрупповых отличий: среди женщин по сравнению с мужчинами больше подчеркиваю-

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Имеет ли для вас значение религиозная принадлежность человека при выборе?...» (%)**

Параметр	Вариант ответа													
	будущего супру- га(-и)		супру- га(-и) ваших детей		коллеги по рабо- те		друзей		места житель- ства		непо- сред- ствен- ного на- чальника		соседа по дому, квартире	
	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет
<i>Пол</i>														
Мужской	70,4	21,5	65,8	24,1	26,1	61,6	39,1	50,5	37,1	51,1	26,7	60,6	30,3	57,7
Женский	78,8	17,2	73,4	22,2	19,7	73,4	41,4	52,2	44,3	49,8	21,2	70,4	28,1	63,1
<i>Возраст</i>														
15–17 лет	70,9	21,2	65,8	24,8	21,6	67,3	39,6	51,1	40,6	50,0	23,4	65,5	25,9	62,9
18–25 лет	71,8	23,5	64,7	28,2	20,0	69,4	34,7	56,5	33,5	57,1	20,6	68,8	26,5	64,1
26–35 лет	93,0	0	94,7	1,8	45,6	49,1	56,1	36,8	56,1	33,3	42,1	45,6	54,4	31,6
<i>Образование</i>														
Базовое среднее	71,6	18,6	64,5	23,5	16,4	69,9	36,1	51,4	35,0	53,0	20,8	65,0	23,0	63,4
Среднее	70,1	26,2	66,3	27,8	25,7	65,8	41,7	53,5	42,8	50,3	23,0	69,0	31,0	62,0
Среднее специальное	75,9	20,3	70,9	24,1	21,5	67,1	44,3	44,3	36,7	51,9	22,8	64,6	26,6	59,5
Высшее	89,3	3,6	89,2	8,9	44,6	55,4	42,9	51,8	53,6	42,9	44,6	50,0	51,8	42,9
<i>Отношение к религии</i>														
Убежденно верующий	85,7	8,2	83,7	10,7	29,1	62,2	54,1	37,8	49,5	41,8	32,1	57,1	38,3	52,0
Верующий	70,5	22,0	64,6	25,0	22,8	64,6	35,1	54,5	37,7	50,7	22,0	65,3	26,5	60,4
Колеблющийся	40,7	59,3	29,6	63,0	7,4	88,9	11,1	85,2	22,2	77,8	11,1	85,2	14,8	81,5
Неверующий	41,7	58,3	16,7	83,3	8,3	91,7	16,7	83,3	16,7	83,3	8,3	91,7	16,7	83,3
Убежденно неверующий	33,3	66,7	33,3	66,7	33,3	66,7	33,3	66,7	0	100	0	100	0	100
<i>Национальность</i>														
Аварцы	79,7	14,7	74,8	18,0	27,8	62,8	47,4	44,7	48,1	43,2	28,9	60,9	32,7	57,9
Даргинцы	75,4	18,0	77,0	19,7	24,6	68,9	34,4	59,0	34,4	55,7	24,6	65,6	31,1	57,4
Кумыки	61,8	27,3	54,5	29,1	21,8	60,0	30,9	50,9	32,7	54,5	16,4	67,3	21,8	60,0
Лезгины	72,1	23,3	65,1	25,6	9,3	79,1	27,9	60,5	25,6	62,8	14,0	74,4	14,0	74,4
Лакцы	50,0	50,0	45,8	54,2	8,3	87,5	29,2	70,8	25,0	70,8	12,5	83,3	16,7	79,2
Чеченцы	70,0	25,0	55,0	35,0	10,0	70,0	30,0	60,0	30,0	60,0	20,0	65,0	40,0	50,0
Другая	65,8	23,7	57,9	31,6	31,6	57,9	42,1	50,0	39,5	50,0	31,6	55,3	39,5	47,4
<i>Всего</i>	73,7	19,8	68,8	23,3	23,5	66,3	40,0	51,2	40,0	50,6	24,5	64,5	29,4	59,8

ших значимость религиозной принадлежности супруга(-и), а также брачных партнеров своих детей. Обращает на себя внимание увеличение процента тех, для кого конфессиональный элемент востребован в личной семейно-брачной сфере, – с 70,9% в разрезе 15–17 лет до 93% в когорте 26–35 лет, с 71,6% имеющих базовое среднее образование до 89,3% респондентов с высшим образованием; в отношении детей – с 65,8% в разрезе 15–17 лет до 94,7% в когорте 26–35 лет, с 64,5% имеющих базовое среднее образование до 89,2% респондентов с высшим образованием. Резонной выглядит позиция убежден-

но верующих и верующих, отрицающих межрелигиозный брак, при демонстрации толерантности в установках колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих. Верификация материала по этнической принадлежности показывает, что наиболее консервативной является опрошенная аварская молодежь, наименее – лакская, более того, для них не имеет значения религиозная принадлежность брачного партнера своих детей. Если аварцы последовательно обозначают неприятие как для себя, так и для детей межрелигиозного брака, то другие этнические подмассивы в отношении второй позиции более терпимы, за исключением даргинцев. Эмпирика показывает важность для опрошенной дагестанской молодежи конфессиональной принадлежности друзей и места проживания: разрыв дававших положительный и отрицательный ответ по этим суждениями меньше по сравнению с другими вариантами.

Заключение

Анализ исламского компонента в семейно-брачной сфере показывает важность для опрошенной дагестанской молодежи религиозной принадлежности при заключении брачного союза, в то время как другие социальные сферы открыты для взаимодействия. Также для респондентов имеет значение вероисповедание при выборе территории проживания, что свидетельствует об ориентированности на нахождение рядом с единоверцами, такая же картина прослеживается при выборе друзей. При этом религиозная принадлежность не принимается во внимание в рабочем коллективе, а также в отношении соседей по дому. О чем это свидетельствует? По нашему мнению, опрошенная дагестанская молодежь при декларировании принципов веротерпимости в реальной жизни обращает внимание на вероисповедание партнера при выборе ближнего круга личного окружения, что свидетельствует о наличии в скрытой форме нетерпимости в отношении носителя иного вероучения.

Литература

- Абдулагатов, З.М. Гендерные особенности исламского сознания на Северном Кавказе / З. М. Абдулагатов // *Дагестанский социологический сборник* – 2012 / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; отв. ред. З.М. Абдулагатов. – Махачкала: АЛЕФ, 2012. – С. 14–27. – EDN RAVBJV.
- Агаширинова, С.С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе / С.С. Агаширинова // *Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции* (Махачкала, 29 февраля 2008 г.). – Махачкала, 2008. – С. 59–61.
- Алимова, Б.М. Диалог полов в современной дагестанской семье / Б.М. Алимова // *Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции* (Махачкала, 29 февраля 2008 г.). – Махачкала, 2008. – С. 76–79.
- Бибикина, О.П. Полигамия на постсоветском пространстве / О.П. Бибикина // *Россия и мусульманский мир*. – 2019. – № 3 (313). – С. 48–64. – <https://doi.org/10.31249/rimm/2019.03.03>. – EDN ISGGDV.
- Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А. В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.). / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.
- Верещагина, А.В. Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования / А.В. Верещагина // *Гуманитарий Юга России*. – 2012. – № 4. – С. 82–93. – EDN RKSFCH.
- Верещагина, А.В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности / А.В. Верещагина // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2014. – № 3 (07). – С. 47–59. – EDN SNLJBH.
- Верещагина, А.В. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения / А.В. Верещагина, Э.М. Загирова // *Социологические исследования*. – 2022. – № 2. – С. 117–128. – <https://doi.org/10.31857/S013216250016856-4>. – EDN VNXLZD.
- Габараева, М.Р. Отношение к многоженству в Дагестане: контент-анализ социальных сетей / М.Р. Габараева // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. – 2020. – № 24. – С. 245–254. – EDN JUCBWZ.
- Загирова, Э.М. Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана) / Э.М. Загирова // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. – 2022а. – № 1–3. – С. 448–456. – <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-448-456>. – EDN GKZJGH.

- Загирова, Э.М. Институт полигамии и гендерная оценка модели брачного поведения / Э.М. Загирова // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2022б. – № 1. – С. 229–233. – <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233>. – EDN SVHVAZ.
- Загирова, Э.М. Многоженство в семейно-брачной сфере народов Дагестана: историко-социологический анализ / Э.М. Загирова // *Caucasian Science Bridge*. – 2022в. – Т. 5, № 1. – С. 32–40. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.3>. – EDN JGZVFU.
- Загирова, Э.М. Многоженство в семейно-брачной сфере современного дагестанского общества / Э.М. Загирова // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. – 2022г. – Т. 14, № 1. – С. 34–41. – <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-34-41>. – EDN AXIEGP.
- Гаджиева, С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1985. – 359 с.
- Керимов, Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности / Г.М. Керимов. – М.: Диалог, 2007. – 502 с. – EDN QUCJYX.
- Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.
- Терентьев, А. Многоженство, строгие традиции и доброта / А. Терентьев. – URL: <https://lenta.ru/articles/2021/05/21/dagestan/>.
- Ханчаев, С.Т. Полигамия в мусульманском праве: сравнительно-исторический анализ / С.Т. Ханчаев // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2019. – № 2 (50). – С. 71–85. – <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-8>. – EDN SOIHHH.
- Abu-Baker, A. Polygamy in Islam / A. Abu-Baker. – Cairo: Maktabat Al-Tourath Al-Islami, 1992. – 107 p. (in Arabic)
- Alexandre, M. Lessons from Islamic polygamy: A case for expanding the American concept of surviving spouse so as to include de facto polygamous spouses / M. Alexandre // *Washington and Lee Law Review*. – 2007. – Vol. 64 (4).
- Al-Krenawi, A. A comparison of family functioning, life and marital satisfaction, and mental health of women in polygamous and monogamous marriages / A. Al-Krenawi, J.R. Graham // *International Journal of Social Psychiatry*. – 2006. – Vol. 52 (1). – P. 5–17. – <https://doi.org/10.1177/002076400600612.45>.
- Al-Krenawi, A. The story of Bedouin-Arab women in a polygamous marriage / A. Al-Krenawi, J.R. Graham // *Women Studies International Forum*. – 1999. – Vol. 22. – P. 497–509.
- Al-Sharfi, M.A. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review / M.A. Al-Sharfi, M. Pfeffer, K. Kirsty // *Journal of Family Studies*. – 2016. – Vol. 22 (3). – P. 272–286. – <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.
- Fortunato, L. Evolution of monogamous marriage by maximization of inclusive fitness / L. Fortunato, M. Archetti // *Evol Biol*. – 2010. – Vol. 23 (1). – P. 149–156. – <https://doi.org/10.1111/j.1420-9101.2009.01884.x>.
- Hassouneh-Phillips, D. Polygamy and wife abuse: a qualitative study of Muslim women in America / D. Hassouneh-Phillips // *Health Care for Women International*. – 2010. – Vol. 22 (8). – P. 735–748. – <https://doi.org/10.1080/073993301753339951>.
- Kończak, I. Polygyny Amongst Muslims in the Russian Federation International Studies / I. Kończak // *Interdisciplinary Political and Cultural Journal*. – 2018. – Vol 21 (1). – P. 141–156. – <https://doi.org/10.18778/1641-4233.21.10>.
- Polygynous marriage and child health in Tanzania / D.W. Lawson, S. James, E. Ngadaya [et al.] // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2015. – Vol. 112 (45). – P. 13827–13832. – <https://doi.org/10.1073/pnas.1507151112>.

References

- Abdulagatov Z.M. Gender characteristics of Islamic consciousness in the North Caucasus. *Dagestanskiy sotsiologicheskii sbornik = Dagestan Sociological Collection*. Makhachkala: Aleph; 2012: 14–27. (In Russ.)
- Abu-Baker A. Polygamy in Islam. Cairo: Maktabat Al-Tourath Al-Islami; 1992. – 107 p. (In Arabic)
- Agashirinova S.S. On the problem of relationships in the Dagestan family at the present stage. *Gendernyye otnosheniya v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza: Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii = Gender relations in the culture of the peoples of the North Caucasus. Materials of the regional scientific conference*. Makhachkala; 2008: 59–61. (In Russ.)
- Alexandre M. Lessons from Islamic Polygamy: A case for expanding the American concept of surviving spouse. *Washington & Lee L. Rev.* 2007; 64(4):1461–1481.
- Alimova B.M. The dialogue of the sexes in the modern Dagestan family. *Gendernyye otnosheniya v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza: Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii = Gender relations in the culture of the peoples of the North Caucasus. Materials of the regional scientific conference*. Makhachkala; 2008: 76–79. (In Russ.)
- Al-Krenawi I.A., Graham J.R. A comparison of family functioning, life and marital satisfaction, and mental health of women in polygamous and monogamous marriages. *International Journal of Social Psychiatry*. 2006; 52(1):5–17. <https://doi.org/10.1177/002076400600612.45>.
- Al-Krenawi I.A., Graham, J.R. The story of Bedouin-Arab women in a polygamous marriage. *Women Studies International Forum*. 1999; 22:497–509.
- Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

- Bibikova O.P. Polygamy in the post-Soviet space. *Rossiia i musul'manskiy mir = Russia and the Muslim World*. 2019; 3:48–64. <https://doi.org/10.31249/rimm/2019.03.03>. (In Russ.)
- Fortunato L., Archetti M. Evolution of monogamous marriage by maximization of inclusive fitness. *Evol Biol*. 2010; 23(1):149–156. <https://doi.org/10.1111/j.1420-9101.2009.01884.x>.
- Gabaraeva M.R. Attitude to polygamy in Dagestan: content analysis of social networks. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh = Izvestia SOIGSI. The School of Young Scientists*. 2020; 24:245–254. (In Russ.)
- Gadzhieva S.S. Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX–early XX centuries. M.: Nauka; 1985. – 360 p. (In Russ.)
- Hassouneh-Phillips D. Polygamy and wife abuse: a qualitative study of Muslim women in America. *Health Care for Women International*. 2010; 22(8):735–748. <https://doi.org/10.1080/073993301753339951>.
- Kerimov G.M. Sharia: the law of Muslim life. Sharia's answers to the problems of modernity. St. Petersburg: Dilya; 2007. 502 p. (In Russ.)
- Khapchaev S.T. Polygamy in Muslim law: a comparative historical analysis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauk = News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*. 2019; 2(50):71–85. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-8>. (In Russ.)
- Kończak I. Polygyny Amongst Muslims in the Russian Federation International Studies. *Interdisciplinary Political and Cultural Journal*. 2018; 21(1):141–156. <https://doi.org/10.18778/1641-4233.21.10>.
- Terentyev A. Polygamy, strict traditions and kindness. 2021. Available at: <https://lenta.ru/articles/2021/05/21/dagestan>. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference*. St. Petersburg: Scythia-print; 2019: 513–514. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. Institutional changes in the family sphere and demographic prospects of Russia: the methodological matrix of the study. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2012; 4:82–93. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. The interethnic family in the North Caucasus in the context of the new Russian civilizational reality. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika = Sociological science and social practice*. 2014; 3(7):47–59. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V., Zagirova E.M. Polygamy in Dagestan in the optics of public opinion (results of a sociological survey). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2022; 2:117–122. <https://doi.org/10.31857/S013216250016856-4>. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V., Rachipa A.V., Samygin S.I., Shcherbakova L.I. A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: RUSAINS; 2016. 126 p. (In Russ.)
- Zagirova E.M. Gender assessment of the institute of polygamy (on the example of Dagestan). *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie = Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism*. 2022a; 1(3):448–456. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-448-456>. (In Russ.)
- Zagirova E.M. Institute of polygamy and gender assessment of the model of marital behavior. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scientific notes*. 2022b; 1:229–233. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233>. (In Russ.)
- Zagirova E.M. Polygamy in the family and marriage sphere of modern Dagestan society. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2022c; 14(1):34–41. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-34-41>. (In Russ.)
- Zagirova E.M. Polygamy in the family and marriage sphere of the peoples of Dagestan historical and sociological analysis. *Caucasian Science Bridge*. 2022d; 5(1):32–40. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.3>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 25.01.2024

Дата окончания рецензирования: 05.03.2024

Дата принятия к публикации: 25.03.2024

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, e-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: madina2405@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare